Ржавый меч царя Гороха

Автор:
Андрей Белянин

Ржавый меч царя Гороха

Андрей Олегович Белянин

Тайный сыск царя Гороха #8

Если есть минутка тишины и свободного времени, то почему бы не раскрыть потрёпанный служебный блокнот и не вспомнить старые дела… В Лукошкино вроде бы как раз начала приходить осень. Мы отдыхали. Ничего не предвещало проблем, пока Бабу-ягу не угораздило рассказать нам сказочку на ночь. И началось… Таинственные кражи, отчаянные погони, бесы-наёмники-тройняшки, Кощеевы происки, неуловимые отравители, троюродная сестричка нашего Гороха, драка в женском монастыре, дьяк в сватовстве, Митька в капусте и я с белыми крыльями за спиной… Эх, всего и не перескажешь! Да и кто бы поверил, что всё это ради старого ржавого меча?

Андрей Белянин

Ржавый меч царя Гороха

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Предисловие

…Я долго сомневался, перед тем как взяться за эту рукопись.

Честно. Просто не знал, так ли уж обязательно надо рассказывать про каждое дело нашей лукошкинской опергруппы. Что-то было более ярким, что-то значительным, а что-то забывалось на следующий же день. Да и у меня тоже далеко не всегда было время и желание всё подряд записывать. Многое на тот момент казалось слишком простым или обыденным, в общем, не самым важным. Хотя вот сейчас как-то само собой образовалась небольшая передышка. И тогда вдруг полезло из служебного блокнота и постепенно написалось…

Сам я предпочёл бы молчать, потому что в той истории меня похоронили.

Но если вам интересно?

В общем, дело начиналось так…

*****

Поздний вечер. В небе молодая луна со звёздами. Тихое отделение милиции стольного города Лукошкина. Все дела закончены, стрельцы с пищалями на дежурстве, суматохи нет, служба охраны правопорядка идёт своим чередом, почему бы и не прерваться на сказку, как вы считаете?

Ну вот мы и прервались. Уже, кажется, часа на полтора…

– А Змей Горыныч тот собою дюже страшный был, – продолжала нагнетать бабка, сама распаляясь с каждым героическим эпизодом. – Весь в шкуре чёрной,

в чешуе дамасской да ещё ить о трёх головах, гад! Одна – огнём палит, другая – дымом душит, третья – жгучим ядом во все стороны плюётся!

– Напалм, отравляющие газы и, положим, соляная кислота, – зевая, предположил я, но Митька невежливо ткнул меня локтем в бок.

– Тьфу на вас, Никита Иванович! Не интересно – не слушайте, а врать не мешайте!

– Да кто врёт-то? – беззлобно фыркнула на нас Яга. – Чистую правду я говорю, предание древнее, ещё с языческих времён до нас дошедшее да в светлой памяти простонародной с честью сохранённое. Так сказывать ли дальше?

Я молча поднял обе руки, типа сдаюсь, продолжайте развлекаться, делать всё равно нечего. Город спит, еремеевцы на посту, мне к царю с докладом аж после обеда – чего бы и не потрепаться на сон грядущий корпоративного духа ради? Тем более что рассказывала Баба-яга мастерски, куда там театральным актрисам, ей бы и сам Станиславский с первого слова поверил. Ну уж кричать «не верю!» точно бы не рискнул…

– И стал тут злой Змей всё войско добрых русичей губить нещадно! Кого огнём не спалит, того дымом задушит. Кого ядом не заплюёт, того когтями порвёт да и сожрёт без соли, без жалости! Воспечалилось тогда всё войско русское, замолилось оно отцу Яриле Ясну Солнышку, да Хорсу на Семи ветрах, да Перуну – Громовержцу небесному, и по вере их и выехал из-за леса сам Бова-королевич!

– Бова? Может, Вова? Ну там одну букву перепутали, бывает же…

– Нет, Никитушка. Бова он и есть Бова! С ударением на последнюю букву.

– А почему королевич? У вас… То есть у нас тут, на Руси, отродясь королей не было, – подковырнул я, радуясь редкой возможности показать среднее образование. – Учёные говорят, что само слово «король» происходит от имени Карла Великого. То есть как ни верти, а европейское это слово…

– Дык и наше «царь» греко-римского происхождения, – безмятежно отмахнулась бабка. – От ихнего слова «цезарь» произошло. У нас-то ранее никаких царей не было, тока князья.

– Что, однако, не меняет исторической сути филологического вопроса: почему «Бова» и почему «королевич»?

– Никита Иванович! Бабуля! Да тьфу уже на вас обоих! – взвыл бедный Митька, обиженной колокольней возвышаясь над столом. – Сказку людям верните, а?!

– Да, да, прошу прощения, – первым повинился я. – Действительно, чем же там дело кончилось? Ну вот выехал из-за леса Бова и…?

Яга неспешно налила себе свежего чаю из самовара, придвинула ватрушку, вспомнила про талию, отодвинула, плюнула, придвинула снова, откусила кусочек и храбро продолжила:

– Вот и вышел Бова-королевич супротив Змея Горыныча. Тот его огнём палил – не спалил! Дымом его душил – не задушил! Ядом в него плевал, да сам поперхнулся! А Бова-королевич выхватил из ножен меч-кладенец да как срубит Змею среднюю голову! Тут-то Горыныч поганый и опомнился, крыльями замахал, так что небо закрыл, ветры пустил сильные…

– Воздух испортил, что ли? – не удержавшись, хихикнул я.

– И на тех ветрах, – не обращая на меня внимания, неслась бабка, – до самых небес взлетел да в сторону гор далёких афганских отправился. Молва людская за то Бове-королевичу по сей день славу поёт. А Змей поганый о двух головах, говорят, и доселе в глубоких пещерах Гиндукуша прячется, время выжидает, месть тайную в сердце чёрном лелеет…

– Ух ты, страшно-то как, – с восхищением потянулся наш младший сотрудник. – А что ж теперь будет-то? Коли Бовы-королевича нет, Змей Горыныч и до нас прилететь может?

– Не прилетит, Митенька, забоится. Меч-кладенец-то у царя нашего Гороха в тайных подвалах заперт. А в нужный час возьмёт его надёжа-государь да и

прогонит самолично Змея бесчинного!

– Вы серьёзно, бабуль? – зевнул я.

– Про меч-то? А то! – поднялась Яга, убирая со стола. – Люди говорят, есть он. Сама-то не видела, а коли тебе невтерпёж, так завтра сам у царя и спроси.

Мы спровадили сонного Митьку на его лежак в сени, я помог бабке прибраться, спать всё ещё не хотелось. Прошлое громкое дело о заговоре Чёрной Мессы отняло так много сил, что к своим скромным записям я вернулся не скоро.

Да, собственно, и причины-то особой возвращаться не было. Для себя пишу, рассчитывать на публикацию бестселлера во времена царя Гороха не приходилось, хоть ты растрижды гений вроде Достоевского или Льва Толстого. Типографий раз-два и обчёлся, все при монастырях. Они церковные книги печатают, а чтоб детективчик для народа, так это извини-подвинься, ни боже мой! Грех содомский, искушение диавольское! Пусть люди лучше Святое Писание читают, житиями святых просвещаются или уж совсем простенькие ярмарочные лубки на стену в избе вешают. А что? Зато душеспасительная и проверенная временем литература…

Я даже как-то с думным дьяком Груздевым на эту тему консультировался. Ну, в смысле на предмет создания местного частного книгопечатания. Я пишу, он издаёт, а реализуем в ларьке у нас при отделении. Дело выгодное, кто хочет пятнадцать суток скостить, всегда книжку купит, правда же? Но даже жадный дьяк упёрся – без разрешения Святого Синода никак нельзя-с! Ну и в пень бы их всех (кроме отца Кондрата), а я писал свои служебные заметки и буду…

Да, забыл. Позвольте представиться. Ивашов Никита Иванович, младший лейтенант милиции из Москвы. Волей хихикающего рока переброшен сюда, в сказочную Русь времён царя Гороха. Увы, никакими волшебными талантами или предметами награждён не был, поэтому страдал недолго и устроился на службу в первое и единственное милицейское отделение стольного города Лукошкина, которое сам же и организовал, получив чин сыскного воеводы. Поселён в тихом (это прошлое!) тереме Бабы-яги, недалеко от Базарной площади.

Бабка до меня жила себе скромно, грехи молодости замаливала, но сейчас стала активнейшим членом нашей сыскной опергруппы, второго такого эксперта-

криминалиста не только у нас, но и ещё минимум в пяти сопредельных государствах не проявилось! Да и куда им…

Что ещё? Ах да, ещё подчинённая нам стрелецкая сотня под началом Фомы Еремеева город охраняет, и на рукавах у них наши милицейские шевроны. Серьёзные бородатые ребята, с пищалями и саблями, дисциплинированные, без фанатизма, но с перегибами. Это не страшно, хорошего от них всё равно больше.

И ещё у нас… этот… Митька. Митя Лобов. Кто знает (а кто его не знает?!) – известен на всё Лукошкино. Рост за два метра, полтора в плечах, храбрости немереной, энтузиазм вообще разумных границ не знает, за любую работу берётся, фантазия неконтролируемая из всех щелей прёт, а суммарная полезного мозга ближе к нулю.

Вообще-то мне иногда кажется, что он у него только костный и есть. Младший сотрудник нашего отделения. Регулярно его увольняю, но пока без толку, возвращается, зараза, прямо бумеранг какой-то…

И ведь при такой вот разношёрстной команде мы тем не менее как-то умудряемся работать. То есть обеспечиваем раскрываемость, проводим акции по профилактике преступлений, организуем охрану общественных мероприятий, встречу иностранных послов и дипломатических миссий. Впрочем, в последнем нас чаще царские стрельцы подменяют, а вот в предыдущих темах тут уж только мы стараемся как можем.

В профилактической работе с населением, конечно, не всё ещё гладко, но мы стараемся. Народ просто не привык к тому, что о нём заботятся, поэтому казусы имели место быть, и неоднократно. Вот разок задержали стрельцы на базаре малолетнего воришку, что делать?

– До четырнадцати лет ничего. Дайте ему воспитательный подзатыльник, и пусть идёт, делом займётся. Закон есть закон!

Я-то, как вы понимаете, только как лучше хотел. Думал, оценит малец. Ну он и оценил. По-своему, конечно, по-детски…

На следующий день ко мне стрельцы с докладом:

– Батюшка сыскной воевода, там у ворот толпа воришек собралась, мал мала меньше. Требуют, чтоб им сей же час по подзатыльнику выдали, да они пойдут, «делом» займутся. Возмущаются, торопят наших: дескать, закон есть закон! Украл, получил подзатыльник, свободен! Так уж они сразу, заранее хотят, так сказать, для профилактики…

Или вот ещё было. Выстроил я как-то дежурных стрельцов на небольшую лекцию о толерантности и терпимости. Ну, с иностранцами или представителями братских народов у нас проблем нет. В массе своей все ведут себя прилично, а если кому и приходится объяснять правила вежливости, то с этим стрельцы и без моих подсказок отлично справлялись. Чёрт же меня дёрнул за язык провести коротенький инструктаж по представителям сексуальных меньшинств. У меня стрельцы разбежались! Бросили пищали с бердышами и брызнули наутёк во все стороны! Мне потом их начальник Фома Еремеев вечером отчитывался:

– Нельзя ж так парней пугать! Они как услыхали, что в Лукошкине… эти… твои… водятся, что сзаду к мужикам примериваются со своим аршином, но бить их за такие дела нельзя, а тока улыбаться вежливо… Теперича на службу выходить не хотят! Друг на дружку косятся, опасаются: ты ж сказал, что нормально сие и мода на то по всей Европе да у половины творческого люду. Кабы нас иконописцы не побили за такое на них подозрение…

Так что вот, профилактика преступлений у нас ведётся, только не всегда на высоте и не часто с положительным результатом.

Ну и гражданское население к общественно полезной деятельности тоже привлекаем, как можем. Последнее, кстати, чревато – народ у нас в Лукошкине социально активный, им милиция до сих пор в диковинку, но руки чешутся, поэтому помогать нам лезут сами, вне зависимости – надо не надо, просили не просили, как-то вот так…

Помнится, вот буквально на той неделе поступили два заявления на конокрадов. Ну вроде как заезжие цыгане украли у кого-то кобылку, перекрасили из пегой в вороную, гриву накладную присобачили, хвост нарастили, а потом ещё и надули несчастную всем табором. Надули – это без кавычек, это через трубочку в задн… пардон, вставляют и дуют по очереди. Короче, лошадка вышла – загляденье: круглая, сытая, красивая, блестящая, словно праворульная иномарка!

Шоу в том, что эти пройдохи ту кобылу краденую её же хозяину сбыть попытались. А он свою скотину по глазам узнал, всплакнул у неё на шее да к людям с перемазанной чернилами рожей и обернулся. Двое особо впечатлительных цыган рухнули в обморок. Ещё одного с сердечным приступом отметелили на базаре. Так у нас два заявления и сохранились: первое о краже кобылы, второе о том, что цыган за побои претензий не имеет, вину осознал, впредь умнее будет. Я так понял, просто постарается не попадаться…

Что я сегодня расписался, а? Наверное, потому, что спать не хочу, хотя время уже давно за полночь. Вставать утром, с петухами. С петухом. В хорошем смысле этого слова. Я имею в виду традиционный деревенский будильник с перьями и гребешком. С первых побудок моей заветной мечтой стало увидеть его в супе или на сковороде. И хотя Яга пока против, мечтать не запретишь!

Отложив блокнот, я сбегал в сортир на заднем дворе, хотя бабка с регулярной настырной заботой ставила мне ночной горшок под кровать, вернулся, разделся, взял с подоконника большущее красное яблоко, не удержался и с хрустом откусил кусок. Мысль о том, что раньше у меня на подоконнике яблок никогда не было, пришла слишком поздно. Вроде после того, как упал на колени и на губах запузырилась пена…

Не имея возможности даже позвать на помощь от режущей боли в желудке, я каким-то чудом доковылял до лестницы и, кажется, грохнулся оттуда, пересчитывая каждую ступеньку. Потом всё кончилось. Наступила темнота…

Больше ничего не помню. Обрывки…

Ночь. Жар. Ночь. И боль, боль, боль…

Чьё-то тёплое дыхание коснулось моей щеки.

– Никитушка-а-а, сокол ясный, – жалостливо пропел мне на ухо бабкин голос. – Да ты живой ли?

Я с трудом разлепил глаза. Судя по солнечному свету, бьющему из окна моей горницы, давно утро. Тогда почему меня не разбудил петух? Я опять закрыл глаза.

– Бабуль, да что ж вы его так допрашиваете? А то сами не слыхали, как Никита Иванович с лестницы-то навернулся и весь мозг отшиб?! С ним сейчас нежно обращаться надобно, ровно с дитём малым…

– Ты ещё меня поучи!

– Ай-ай-ай, обидели лялечку. – Чья-то тяжеленная ладонь начала безжалостно гладить меня по затылку. – Лялечке бо-бо! Тьфу на лялечку красивую, чтоб не сглазили! Чур меня, чур!

– Уберите идиота с моей головы, или я за себя не отвечаю, – неуверенно ворочая языком, потребовал я, пытаясь сесть.

Яга с Митькой в четыре руки вернули меня обратно в подушки.

– Живёхонек, – умилённо всплеснула руками бабка. – Говорила я тебе, Митенька, рано гробовщика звать. Теперь и заказ на кутью отменяй до кучи!

– А я ить ещё и стрельцам по чарке обещался, на помин души участкового…

– Вот, твердили ж неслуху: поспешишь – людей насмешишь. Не до смерти враги сыскного воеводу отравили, выкарабкается Никитушка наш, правда ить?!

Я почувствовал жгучее желание встать и со всеми разобраться. Встать мне опять никто не дал, но даже лёжа я отметил стоящий в углу горницы венок с надписью «От сотрудников» и занавешенное зеркало. Вот, значит, как, да-а:

– Митя! Бабуля! Кто-нибудь объяснит мне, что у вас тут происходит?!

– Дык похороны же… вроде… – честно потупились оба.

– Угу. Нормально. И кого хороним?

– Тебя, касатик.

– Ещё раз угу. А с чего это вдруг, позвольте заметить?

Баба-яга чинно поправила чёрный платочек, жестом заткнула моего младшего напарника с комментариями и как можно подробнее осветила мне всю ситуацию от моего падения с лестницы до сегодняшнего пробуждения.

Во-первых, прошло два дня.

– Что-о-о?!!

– Митенька, прижми сыскного воеводу хоть вон подушкою, чтоб не подскакивал. Да не на лицо подушку, на грудь, горе ты наше луковое! Так вот бишь, на чём я остановилася-то…

В общем, как я её понял, ровно два дня назад какая-то наиподлейшая скотина типа ниндзя ловко проникла на территорию отделения, охраняемую, кстати, стрельцами Еремеева, коим бабка фитиль уже вставила. Так вот, в результате данного проникновения на подоконнике в моей комнате было оставлено яблочко наливное. А налито оно было быстродействующим нервнопаралитическим ядом. По-местному называется «карачунов корень». И то, что я как-то сумел добраться до лестницы, – почти чудо…

На грохот моего упавшего тела прибежали квартирующие здесь же сотрудники нашего отделения – Баба-яга, в нижней рубашке, с ухватом наперевес, и Митя, в исподнем, но с топором! Поняв, что бить некого, они дружно кинулись меня спасать и… Фанфары! У них получилось!

Бабка напоила меня, бессознательного, рвотным, а верный Митяй жал мне на живот до тех пор, пока последнее яблочное пюре не вышло наружу. Однако, несмотря ни на что, в чувство я так и не пришёл, зато бледнел не по дням, а по часам. Это чисто местное выражение, в наших милицейских протоколах редко употребляемое. Ну, короче, они предпочли обо всём позаботиться заранее: причащение, отпевание, гробовщик, козырное место на кладбище, оповещение печальной вестью всех заинтересованных лиц.

Э-э… не в смысле заинтересованных в моей смерти! Но вы меня поняли, да?

– Царь в курсе?

– А то, сокол ты наш! Горох уж, поди, первым соболезнования прислал и на крест каменный из казны отсыпать обещался.

– Деньги пришли? – зачем-то уточнил я.

– Ну-у, – неуверенно замялась Яга. – Ежели по совести говоря, то час назад гонец под роспись доставил.

– Сколько?

– Пятьдесят рублей золотом! Не пожадничал государь за-ради любимого участкового.

– Кто ещё денег дал? – продолжал дожимать я.

Как оказалось, дали многие. Кнут Гамсунович от лица всей Немецкой слободы прислал сто пятьдесят рейхмарок и венок с готической надписью по-немецки. Текст нуждался в переводе, но всё равно очень красиво. Боярская дума отправила аж шесть венков и два ведра самогону на упокой. Армянская диаспора послала двенадцать рублей мелкими деньгами и две свежие гвоздики. Общеизвестный ростовщик-гробовщик Шмулинсон сделал скидку в десять процентов, пообещав обить гроб не чёрным, а серым, в цвет милицейского мундира. Дьяк Филимон Груздев на словах передал фигу и пообещал сплясать у меня на могиле в максимально нетрезвом состоянии, потому как уже ничего ему за это не будет.

Вроде всё. Ах да, ещё тётка Матрёна пообещала прислать бочонок кислой капусты, но, узнав, что получателем будет наш Митя, отказалась…

– Приказываю отпустить начальника отделения, – взвесив все «за» и «против», предложил я.

Мои сотрудники, подумав, убрали руки и отвалили в стороны.

– Бабуль, деньги придержите. Нам ведь есть на что потратить похоронные, правда?

– Дык, а как же, милок?! – всплеснула сухонькими ладошками Яга. – Кобылу рыжую подковать, на телеге два колеса менять надобно, в бане крыша течёт, а поруб мне вообще преступники да всякие задержанные до выяснения так загадили, что хоть не заходи! На пол плюют, ироды, и срамоту всякую на стенах гвоздём пишут…

– Отлично, – согласился я. – Есть повод произвести капитальный ремонт отделения. Или хватит только на косметический?

– Ещё купцы прислать обещалися, – старательно припомнил Митька, хлопнув себя по лбу. – Вроде как три свечи пудовые, пчелиного воска, на меду. А ещё три мешка соли заказать. Ну чтоб могилку от души посыпать. Любят они вас, Никита Иванович…

Ага, после наших милицейских рейдов на предмет обмера, обвеса и ненадлежащего качества обслуживания покупателей меня так всё купечество «любит», что представить страшно. Однако три мешка соли – это тоже деньги, а деньги лишними не бывают.

– Ты бы, Никитушка, поумирал ещё чуток, хоть до вечера? Мы бы, глядишь, и забор под энто дело обновили…

– Не могу, бабуля, меня царь ждёт.

– Дак он тебя позавчерась ждал. А ноне-то уж что… Уже свершилось всё.

– Что свершилось? – не понял я.

– Сестра евонная, двоюродная, Марьяна-царевна из монастыря прибыла. Жениха себе хочет. Так что опоздал ты, Никитушка, к государю с советом прибыть. Ныне сам Горох выкручиваться будет без помощи родной милиции…

– Стоп! – Я резко сел. Митяй сунулся было второй раз давить подушкой, но я выкрутил ему мизинец, и наш богатырь обмяк. – А зачем государь хотел меня

видеть? И при чём тут его двоюродная сестра?

Бабка с Митькой выразительно переглянулись и дружно покраснели. Я что-то не то и не так спросил?

– Ну энто с какого боку заглянуть, Никитушка. Может, тебе, сокол ясный, и впрямь покуда в отделении полежать. Ты бы дал девке время подуспокоиться чуток, а то, не ровён час, надорвёт сердечко невинное буйными рыданьями-то…

Я окончательно потерял нить логики, потому что так они меня ещё ни разу не запутывали. С какого бодуна надобно быть царской родственнице, чтобы рыдать по какому-то там сыскному воеводе, которого она вообще ни разу в глаза не видела?! Если только не…

– Горох что, опять хотел меня женить? – прозрел я.

– Да ты у нас ясновидящий, что ль, Никитушка? – восхищённо всплеснула руками Баба-яга, а наш младший сотрудник поднял вверх большой палец.

– Митя, не ноги.

– Чегось?

– Большой палец руки поднимать надо, – напомнил я, и он послушно сунул босую ступню обратно в сапог, а правую руку вскинул в красноречивом жесте римских императоров над гладиаторской ареной Колизея. Это тоже я научил, но ладно…

В дверь постучали стрельцы. Не как обычно, громко и настырно, а эдак тихо, скорбно и с пониманием. Наш младший сотрудник на минуточку выбежал во двор и почти сразу же вернулся, сияя, как царский пятак.

– Шмулинсон гроб привёз! Кра-си-ы-вый!

– Ить вот еврей, а за-ради похорон родной милиции расстарался и скидку сделал, – вытирая сентиментальную слезу, улыбнулась бабка. – Ну давай тащи, поглядим хоть, чего он там нахудожничал…

– Эй, а ничего, что я вообще-то ещё живой?!!

– Да тю на вас, Никита Иванович! Нешто за-ради таких мелочей нам работу Шмулинсонову оплаченную взад возвращать прикажете? А ну как он во второй раз не так расстарается да и, поди, денег заломит? Под гарантию, чё вы и впрямь без обману дуба дали…

– Бабуль, – взглядом попросил я.

Яга мигом отвесила Митяю воспитательный подзатыльник и елейно обернулась ко мне:

– Дак мы его в горницу пущать и не станем. Тока гроб занесём. Ты уж не прогневайся, а?..

В этот момент кто-то деликатнейше поскрёбся в дверь и прокашлялся. Если, конечно, вы можете представить грассирующий кашель с местечковым акцентом…

– Шмулинсон?! – в ужасе переглянулись мы.

Яга сориентировалась быстрее всех, одним махом выдрала из-под меня мятую простыню да меня же той простынёй и накрыла. С головы до пят, как положено. Подскочивший Митька сорвал со стены тяжеленную икону и бухнул её мне на грудь, так что я чуть не застонал от боли, а сам встал в стороночке с самым скорбным выражением лица. Моя домохозяйка ещё раз поправила простыню, чтоб я не подсматривал, и смиренно, опустив очи долу, отворила дверь.

– Заходите, Абрам Моисеевич…

– Таки здравствуйте всем, ой вей, какое горе, такой молодой, мог бы жить и жить, все его любили, но что делать, он там, а мы тут, ай-ай-ай, я плакал, моя жена плакала, даже дети, ви их знаете, такие шалопаи, шоб они жили сто лет, и те плакали! – на одной ноте зачастил наш популярный гробовщик-ростовщик-осведомитель, осторожно шагнув в комнату.

– Гроб-то доставил? – печальным голосом, но деловым тоном уточнила Баба-яга.

– Оно уже в сенях! Серый бархат, обивка с люрексом, ни одного гвоздика не торчит, ароматизация лавандой и шалфеем – ваши стрельцы таки умиляются до слёз и хотят себе такой же! Я честно сказал Фоме Еремееву, шо за оптовый заказ на всю стрелецкую сотню может быть хорошая скидка, но он меня не услышал. У него тоже горе, смерть любимого начальника, я всё понимаю, но гешефт есть гешефт. Таки, может, вы ему повторите вслух на предмет скидки? Мы могли бы с вами иметь с того неплохой процент…

– Митенька, – едва вклинилась бедная бабка, – отдай ты болтуну энтому иудейскому его сребреники и проводи до ворот, а то у меня уже уши закладывает…

Раздался звук долго пересчитываемой мелочи.

– Нет-нет, гривенничек оставьте себе! Оставьте, оставьте, у меня тоже есть сердце и даже совесть, а у вас такие траты, шо упаси Господь! Тем более я таки намерен прийти на поминки всем семейством, и дети уже со вчерашнего вечера ничего не кушают. Так шо насчёт скидки…

– Митя, проводи!

Судя по кратковременным звукам борьбы, Абрам Моисеевич упирался изо всех сил, но с моим младшим сотрудником едва ли могли бы справиться все силы Сиона. Ну, с последним я, возможно, переборщил. Хотя как знать, в рукопашных боях против превосходящих сил шамаханов, разбойников или даже самого Кощея Кирдыкбабаевича Бессмертного он очень неплохо себя зарекомендовал.

– Вставать можно?

– Можно, но осторожно, касатик, – тихо ответила глава экспертного отдела, шагнув к окошку. – Кажись, к нам ещё гости нежданные пожаловали.

– Кто это, интересно? – приподнялся я, глянул одним глазком и сам сунулся под простынку. Вот только этого счастья мне ещё недоставало…

Во дворе отделения медленно сползал с могучего коня дородный боярин Бодров, мой главный враг по думской фракции. Это шутка. На самом деле он не главный

враг, потому что вся боярская дума меня на дух не принимает. Просто гражданин Бодров у них главный по возрасту, богатству и именитости рода. А вот по уровню развития мозга лично я бы ему и управление курятником не доверил, не то что в думе законотворчеством заниматься…

– Никитушка, ты уж полежи ещё минуточку, дай честному боярству от смерти сыскного воеводы удовольствие огрести. Мы им потом сюрприз устроим…

– Бабуль, вы только побыстрей их отсюда выпроводите, пожалуйста, а?

Ответить Яга не успела, потому что в дверь ввалился грузный боярин Бодров. Судя по агрессивному перегару, которым можно было насмерть травить даже не убиваемых тапкой тараканов, мои похороны этот тип начал праздновать ещё вчера…

– Здорова была, хозяюшка, – вежливо прогудел он, потому как за невежливость Баба-яга карала строго. – Слыхали… ик, горе у вас? Сыскной воевода… ик!.. да вроде как богу душу отдал?

– Да тебе-то что с того…

– Как что?! Я ить… ик!.. удостовериться пришёл. Всей думой боярской… ик!.. направлен с соболезнованиями… – Он, тяжело переваливаясь, подошёл ко мне, встал рядом, видимо присматриваясь.

Я затаил дыхание. Да я и так от его амбре дышал через раз…

– И впрямь… ик!.. опочил участковый. Панихиду-то в каком… ик!.. храме заказали?

– Тем отец Кондрат озабочен. – Бабка решительно отодвинула нехилого боярина в сторону, и я осторожно выдохнул.

– Соб… ик!.. соболезную-у… – Судя по трём глухим ударам и одному звонкому, Бодров от души перекрестился. – Свечу пудовую жертвую-у… ик! И от всей думы камень могильный, пудов на шесть! Чтоб уж… наверняка… Прощевай, хозяюшка, пой… ик!.. ду ужо. Ждут меня в кабаке, помянем… ик!.. безвременно усопшего…

ик! Праздник-то како… тьфу ты! Горе, горе, говорю… ик!.. какое, а?!

Уходил он танцующей походкой, едва ли не вприсядку, шепча: «Всё ж таки есть Бог, есть!» А во дворе отделения ещё и счастливо обнялся с двумя сотоварищами, облобызал обоих в щёки, и вся троица, заломив высокие боярские шапки набекрень, пошла за ворота обмывать скорбное событие.

– Кто ещё в курсе, что я помер?

– Дык, Никита Иванович, – радостно открыл рот доселе молчавший Митя, – почитай весь город рыдает! Простой люд на базаре волосы рвёт, торговля встала, бабы воют, мужички виноватого ищут, на царский терем кулаками грозят…

– А царь-то им чем не угодил?

– А не пособолезновал прилюдно!

– Так, – обернулся я к Яге, быстро сложив в уме дважды два. – То есть Горох-то на самом деле знает, что я живой?

– Государю врать не осмелилась, – скромно потупилась наша домохозяйка. – Был он тут около тебя вчерась. Велел мне про выздоровление твоё помалкивать.

– Уже спасибо. Но это не помешало вам взять с него деньги?

– А он зато с меня слово взял крепкое, ежели оклемается участковый, так чтоб в сей же миг к нему прибыл!

– Вот прямо сейчас, да? – криво улыбнулся я, вставая с Митькиной помощью. – Что ж там у него такого сверхсрочного? Ну исключая его брачные фантазии обо мне и царевне…

Яга развела руками. Думаю, на тот момент она и сама не знала, на что мы подписываемся, отправляясь по очередному царскому вызову. С другой стороны, если б и знала, что бы это изменило? Отказались бы мы, что ли?! Нет, нам в помощи никому отказывать нельзя, мы – первое и единственное отделение

милиции на всё Лукошкино. Да и на всё наше царство-государство в целом другой милиции, увы, нет…

– Митяй, запрягай телегу. Опергруппа, на выезд! – громко приказал я, закашлялся и ничком рухнул обратно в подушки. Голова ещё кружилась, и ноги были как ватные.

Ох, мать моя прокуратура, чем же меня тут так траванули-то, а?!

– Никитушка, – сразу кинулась ко мне бабка, – ты тока не спеши, ты сейчас ровно зайчонок новорождённый – ни сил, ни умишка. Ну да мы сейчас это дело живо поправим…

Как понимаете, дальше всё было словно в сказке. Яга только хлопнула в ладоши, как в горницу вбежал счастливый Фома Еремеев, обнял меня, не скрывая слёз, и доложил, что баня истоплена. Митя на руках унёс меня в нашу маленькую баньку, вымыл, выпарил, отхлестал веником, отпоил квасом, переодел в чистое бельё и так же на руках вернул в дом. В горнице уже был накрыт стол. Самый скромный, больничный, видимо, есть сразу много и всякого мне было нельзя.

– Вот, Никитушка, бульончик куриный с сухариками пшеничными. Вот кашка овсяная на воде, тоже желудку весьма пользительная. Вот и чаёк слабенький, медку немного, ну и наливочки глоток… Она непростая, она на сорока травах настоянная, в ней сила великая бродит, она и мёртвого из гробу поднимет!

Ну что тут скажешь? Меня с её наливки едва опять навзничь не уложило, алкоголь же всё-таки. Поэтому я весьма смутно помню, как меня одели в мою милицейскую форму, вывели во двор, уложили на солому в телегу и засыпали сверху ароматным сеном. В ногах у меня угнездилась Баба-яга, младший напарник взялся за вожжи, и рыжая кобыла тряской рысью повезла всю нашу слаженную опергруппу через весь город на царский двор.

Еремеев хотел было послать с нами десяток стрельцов в охрану, но бабка отговорила. Типа подозрительно, что её одну столько мужиков в форме охраняют, да и рожи у наших слишком уж счастливые. Пущай уж лучше в отделении друг на дружку лыбятся, а ей надобно вплоть до Гороховых палат скорбное выражение лица пронести, как траурный платочек, и не забывать слезу горючую на дорогу пыльную смахивать…

– Выйду я на улицу, гляну на село, девки гуляют, и мне… развлечение, – со всей дури, во всю глотку завёл было Митя, но, получив от Яги клюкой по затылку, опомнился: – Извела-а меня-а кручина, подколодная-а змея-а…

На последних двух словах он сделал заметный акцент, за что словил и во второй раз.

Телега свернула к базару, и я, лёжа в духмяном сене, с тихим удовольствием прислушивался к громким стонам общенародной скорби.

– Какого человека не уберегли, а? Не защитили, не спасли от беды неминучей… Эх, да что мы за люди после этого?! Пошли, что ль, выпьем?! А то уж и поджечь хоть что-нибудь хочется или поломать, от широты души…

– А я ить говорил, что милиция энта не от Бога! Когда, значится, полотенцем жена меня била, так ей ништо, а как я её оглоблей, так мне, значится, пятнадцать суток, да?

Далее последовал звук глухого удара, вроде как если на чью-то пустую голову опустили мешок с песком. Критика в адрес милиции прекратилась одномоментно.

– Ой, и прости ж ты нас грешны-ых! Ой, и не слушай мужика моего-о! Ой, он как выпьет, так дурной, чего только про родную жену не навыдумывае-эт! Ой, и не била ж я его, чё ж у меня, совести нет? Так, придушила слегка полотенчиком…

– Охолонись, бабы неразумные! Ишь развылись, как на похоронах, а ить ещё и не вынос. Успеете потом наголоситься, дуры мокрохвостые! Дайте и мужику грубую слезу пустить. Ой-й, и на кого ж ты нас покинул, Ива-а-ны-ы-ыч…

Наш народ, российский. Ничего за века не меняется. Я почувствовал, что краснею даже под слоем сена. Что тут будет, когда из отделения появится официальная информация о том, что я жив-здоров, даже подумать страшно. Лукошкинцы либо весь город разнесут от радости, либо меня раздавят от избытка чувств. Обе перспективы выглядели вполне логичными, а потому не радовали. Но хуже всего оказалось другое…

– Бабуленька экспертизная, не откажись принять окорочок копчёный за упокой души раба божьего участкового!

Мне в ноги рухнуло что-то тяжёлое. То есть окорочок отнюдь не куриный. Скорее какой-то свинье крупно не поздоровилось.

– Спасибо на добром слове, – со слезой в голосе отозвалась Яга. – Ужо я-то небось той доброты вовек не забуду. Бог даст, сочтёмся…

После этой многозначительной фразы повисло кратковременное молчание. Минуты на полторы, не больше. Как раз чтобы все значимо осознали, кто заменит меня, «усопшего», на посту сыскного воеводы. Ну не Митька же?!

И вот тогда началось…

– А вот от нас прими ситцу василькового, весёленького, за упокой!

– И от нашей лавки гвоздей полпуда малых да подкову чугунную, подарочную, на стену! Тащи подкову, парни, мне одному не поднять…

– Требуха, требуха свежая, возьми, бабушка, не прогневайся! Небось уважал покойный требуху-то… А нет, так собакам скормите!

– Медку царского, хоть напёрсточек отведайте! Чтоб и участковому за гробовой доской жизня такой же сладкой показалася, на все сорок два градуса-а!

В общем, не буду никого утомлять, но, когда перегруженная телега кое-как доволочилась до царского двора, лично я уже едва дышал под подарками. Митя ещё с полпути слез, передал поводья бабке и помогал нашей кобыле, толкая телегу сзади. Сама лошадь уже не справлялась…

Бабка, «пригубившая» по пути хмельной мёд, пиво, квас, настойку на берёзовых бруньках, самогонку и всего того, что у нас тут наливают под «ну, земля ему пухом!», очень нетвёрдо держалась на ногах. Тем более что левая, «костяная», у неё вечно ныла к непогоде. Я высвободил себе дырку в соломе, свистом подзывая нашу бессменную главу экспертного отдела, но Яга даже не подошла.

– Погоди, Никитушк…ка, не до тебя щас, сокол яс…ный. Ох и мутит же меня, грешн…ную…

– Митька-а! Вытащи меня, – переключился я, но и тут облом.

– Ни-ки-та… Ива-но-вич… Уф! Дайте ж хоть дух… перевести… Я, ка-жи-сь… спину потянул… мама-а… – Мой младший сотрудник рухнул мачтовой сосной у переднего колеса телеги. К рыжей кобыле обращаться тоже смысла не имело, бедняжка и так едва держалась на ногах.

А тут ещё чёрт принёс дьяка. Поверьте, его всегда черти носят, а не кто другой. Груздев Филимон Митрофанович – тощий, скандальный думский подпевала, вернейший и преданнейший враг всего нашего отделения.

– Это чёй-то, а? Это ктой-то тута на ногах не стоит, лыка не вяжет? А-а, да ить энто опергруппа безбожная зенки бесстыжие залила да и на царский двор за опохмелкой сунулась…

Ответом послужил хоровой стон Митьки, Яги, кобылы и меня, которому проклятая чугунная подкова окончательно отдавила ногу. По счастью, на мой голос дьяк внимания не обратил, ибо резко опомнился.

– А вот энто что, во телеге? Нешто совесть у милиции проснулась и вы в первый раз к царю-батюшке с подарками заявились? Вот за то хвалю, вот энто правильно! Однако же тут каждый подарок описи требует, взвешивания и оценки. Подайте тележеньку вон туда, за забор, от стрелецких глаз подальше, там и поделимся… тьфу ты, дела наши грешные, то исть взвесимся!

– Митя, – тихо попросила Яга, – ты вон ту подковку передай Филимону Митрофановичу, пущай взвесит…

Шум, богатырский взмах, хруст костей, падение тела – и, как я понимаю, хитрозадый дьяк лежит в пыли, с двухпудовым чугунным изделием на воробьиной груди, смешно дёргая лапками.

– Пропустить ко мне родную опергруппу! – громогласно приказал Горох откуда-то сверху. – А ты, добрый молодец милицейский, сенца с собой захвати. Да

поболее!

Столь странному приказу Гороха никто особенно не удивился, государь у нас известен своими закидонами. Все привыкли, никто не дёргается, да и смысл? Ну, бывает, на каторгу пошлёт, – конечно, как без этого? Однако голов по праздникам не рубят, и ни одной виселицы я за всю свою службу не видел. Да и не то чтоб царь у нас слишком добренький был, а просто после того, как он догадался ввести милицейскую службу по охране закона и правопорядка, многое изменилось в положительную сторону. Не идеал, идеальных государственных систем вообще в природе не бывает, но власть хотя бы стала с нами советоваться и прислушиваться.

«Не сразу, не всё, не всегда, но в целом прогресс есть – теперь без милиции в Лукошкине ничего не решается. Ни суда, ни делопроизводства, ни казней! Это, несомненно, плюс», – думал я, пока Митя на руках нёс копну сена с моей светлостью в государевы апартаменты. Яга торопливо семенила следом.

Царские стрельцы демонстративно закатывали глаза. Хоть мы с ними никак не пересекаемся (куда уж нам, простой милиции, до их благородий?!), но в целом парни относились ко мне вполне лояльно. Сколько себя помню, ни разу не было случая, чтоб наши стрельцы с царскими схлестнулись, тьфу-тьфу, не сглазить. Вроде как два разных ведомства, но от служебных недоразумений удерживаемся покуда…

– Жив? – Горох пропустил нашу троицу в свои покои и самолично выкопал меня из сена. – Жив, хороняка! Ох и напугал ты меня, Никита Иванович… Ещё раз попробуешь так помереть, я ж за тобой следом от сердечного приступа в ящик сыграю!

Государь от всей души обнял меня, троекратно, по-русски, расцеловав в обе щеки, и осторожно усадил на лавку.

– Может, попотчевать чем? Пряники есть, тульские медовые печатные, хошь рыбкой, а хошь котиком! Наливка малиновая, полезная, а ежели нервы винтом, так и на боярышнике пара стопочек сыщется…

– Мне пряник! – первым поднял руку доверчивый Митяй и в ту же минуту был безапелляционно выдворен за дверь. Бдить на всякий случай! Но, разумеется, с пряником! Царь у нас умный, знает, как любое наказание превратить в поощрение…

– Ты уж не серчай, Никита Иванович, а только разговор у нас серьёзный будет. Не для твоего балабола ушей.

– Может, и мне выйтить? – скромненько потупила очи Баба-яга.

– Да как же мы без вас-то, бабушка?! – в непритворном ужасе всплеснул руками Горох. – Тут ить дело тонкое, семейное, души нежной девичьей касаемое. Без вашего женского пригляду в такой ситуации никак нельзя!

– Давайте уж по существу, гражданин царь, – тихо, но твёрдо потребовал я. – В чём, собственно, суть вопроса?

– Рассказываю как на духу, – честно перекрестился Горох. – Сестра у меня есть двоюродная, до зрелых лет в нарофоминском монастыре проживавшая, а ныне…

Далее пущу дело по короткому милицейскому протоколу, потому что если всё воспроизводить дословно, прямым текстом, как нам царь-батюшка рассказывал, то никакой бумаги не хватит. Короче, перехожу к сжатой и выверенной информации.

Дочь двоюродной сестры мамы нашего Гороха (то есть ему-то она уже троюродная сестра получается), милейшая девица Марьянка, после смерти родителей до осознания себя в совершеннолетнем возрасте воспитывалась в монастыре. Попала туда ещё совсем крохой, лет пяти, и по причине большущих глаз и длиннющих ресниц сразу угодила под личную опеку матери настоятельницы. А та хоть и держала весь монастырь в ежовых рукавицах за… эти самые (тьфу, о чём это я?!), в общем, сама матушка молодость провела бурную и в келье сохранила немало французских романов. Да-да, тех самых, о любви, естественно! Всякие там, знаете ли, рыцари короля Артура, Лоэнгрины, Роланды с разбитыми рогами… или одним рогом?

Ну, суть не в этом, а в том, что малолетняя мартышка царской крови уже к девяти годам свободно говорила, читала и писала на трёх европейских языках!

Соответственно, когда государю пришло письмишко, что девушка созрела, то он, не задумываясь, вызвал её в столицу, изображая доброго старшего брата. Причём, зная нашего Гороха, я охотно поверю, что он был искренен и от всей души желал дальней сестрице счастья в личной жизни. Просто бедняга никак не ожидал, что взгляды на это «счастье» у них настолько разные. Ну приблизительно как Сочи и Нижневартовск, как-то так…

Мадемуазель Марьяна (именно мадемуазель, ибо образ традиционно русской девицы для неё уже не прокатывал) честно обозначила все свои взгляды на грядущее замужество в первый же день приезда. И мать моя юриспруденция, если они не были запредельно нереальными…

– Требует с каждого знания шести иностранных языков! – явно нервничая, загибал пальцы царь. – Обширное королевство с работящим и любящим народом, выходом к морю, золотой горой, серебряной или медной. Никаких родственников, но благородное, желательно волшебное, происхождение! Да и чтоб белый конь был, а сам рыцарь – золотоволос, учтив, начитан и чтоб своего же коня одной рукой поднимал! Не, ну она просто издевается, да?!

– Угу, – не сговариваясь, поддакнули мы с Ягой, поскольку именно так оно и было.

– А я ить, честно говоря, думал тебя, Никита Иванович, до неё пристроить. Был бы ты государев зять, ни одна дума боярская на тебя б хвост пушить не посмела. Да вдруг ты отравился не вовремя…

– По-моему, так очень даже вовремя, – пробормотал я, стуча себя кулаком в грудь.

Перспектива иметь рядом столь начитанную и, главное, требовательную супругу венценосных кровей не прельщала ни на миллиметр. Ну его, институт брака, к лешему, мне пока и так не очень хорошо, мутит, как котёнка. Куда уж и дальше ещё самому себе жизнь портить…

– Э-э, прошу прощения, ваше величество, но тогда мне неясно, зачем мы вам тут вообще понадобились? Милиция насильно никого замуж не выдаёт и психологической консультацией по матримониальным вопросам не занимается. Это ж не уголовщина какая-нибудь…

– Да тут, понимаешь, с какого боку посмотреть, – вновь грустно вздохнул царь. – Тут, вишь, у нас ещё и женишки вдруг объявились.

– Ну так и слава богу! Выдавайте девицу.

– Так-то оно так, я не против, да ведь за ней полцарства отпиливать придётся, а энто уже серьёзная геополитика.

Я хотел было хихикнуть, но, подумав, захлопнул рот. О таком перспективном развитии событий меня почему-то не предупреждали. Хотя по идее почти во всех сказках в приданое царевне отдаётся полцарства, но я, честно говоря, почему-то думал, что это чисто литературное выражение. Однако вот она, прямо тут, патовая ситуация, потому что из-за брачных женских капризов резать целую страну по живому никак нельзя! Но надо…

– Хорошо, давайте по порядку. Кто у нас женихи?

Оказалось, что претендентов на данный момент всего трое. Классика, конечно, лично я почему-то думал, что их будет куда больше. Ну там хотя бы штук десять – пятнадцать. Оказалось всё и проще, и сложнее: перед тем как просить руки царевны, требуется предоставить ряд определённых документов и соблюсти кучу обязательных условий.

Во-первых, титул претендента никак не ниже чем принц, царевич, королевич. Во-вторых, возраст не моложе шести и не старше восьмидесяти. Люфт приличный, однако тут же вклинивалось обязательное требование по знанию русского языка. Не экзамен по правописанию, но всё-таки на бытовом разговорном уровне знать должен. Да, плюс ещё серьёзные требования религиозного характера. Жениху было бы желательно иметь православную веру либо католическую, в самом крайнем случае мусульманское вероисповедание, но уж никак не индуизм, буддизм или, ещё того хлеще, иудаизм! Ну и ещё желательно, чтобы свадьба была не односторонним актом передачи юной девы из одного государства в другое, а ещё и неким политическим актом, с далеко идущими добрососедскими отношениями, совместными военными действиями и серьёзными льготами в торговле…

– Первый претендент с Таллинауса, младший сынок ихнего королька Клауса. В рифму сказал, да? Фон Паулюсус вроде. Весь из себя европейский рыцарь в дедовских латах. Второй только-только с гор спустился, грузинский царевич Сосо Павлиношвили, с кинжалом до колен. А третий – средний сын Бухатур-хана из Крымских степей, молодой Бельдым-бек, – торопливо пояснял Горох. – Их всех на постоялом дворе поселили, чтоб у терема царского лишнее время не тёрлись. Ну и с моих гневливых глаз, от греха подалее…

– Понял. – Я быстренько сделал очередную пометку в блокнот. – И всё равно получается, что вопрос выдачи замуж вашей милой сестры относится скорее к ведомству боярской думы, но уж никак не к милиции. Состава преступления нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/andrey-belyanin/rzhavyy-mech-carya-goroha

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити